

сается души другого, чѣмъ любое поучающее и разъясняющее слово. Молчаливое присутствие праведника, а также исполняемый имъ для себя весь строй его жизни имѣеть въ себѣ какую-то неощутимую внутреннюю убѣдительность, болѣе могучую, чѣмъ слово. Толстой это зналъ и тѣмъ не менѣе не явилъ собой примѣръ личнаго непосредственнаго служенія, по чему тосковалъ всю свою жизнь и къ чему звали его настойчиво всѣ искренно и вдумчиво его слушавшіе, а ограничивался словомъ, но это-то онъ и называлъ своимъ тягчайшимъ крестомъ.

Свое новое утвержденіе человѣкъ толстовскаго толка долженъ былъ бы формулировать слѣдующимъ образомъ: —Я пришелъ во внутреннемъ своемъ къ себѣ, вернулся къ чистой сущности своей души. Теперь все дѣло моей жизни сводится только къ одному: къ «внутреннему дѣланію» въ самомъ себѣ. Мои цѣли заключены во мнѣ и только во мнѣ. Я долженъ знать себя, свою внутреннюю жизнь и только ее. Мои заботы о другихъ должны свестись къ заботамъ о моемъ внутреннемъ «я». Здѣсь—«крѣпкій берегъ» и мѣсто глубокаго душевнаго успокоенія.

Рядъ приведенныхъ положеній установилъ своими переживаніями Толстой. Выше я останавливался на психологической связи установленныхъ имъ нравственныхъ нормъ